

Похождения кочегара Шухова
в Советской армии

Глоточек счастья

Владимир Жуков

Глоточек счастья

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Жуков В.

Глоточек счастья / В. Жуков — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Середина семидесятых — время, когда Советская сверхдержава кажется могучей и несокрушимой, а её марксистско-ленинская идеология определена для людей советских как единственно правильная и научная. Молодой советский офицер — бортовой инженер стратегического бомбардировщика, проходящий службу в Дальней Авиации, обращает внимание на обилие трагикомического, необыкновенного и невероятно смешного в окружающей его армейской действительности. Постепенно офицер приходит к выводу, что марксизм-ленинизм вовсе не всесильное учение, а жалкий и несостоятельный маразм, культ же юмора, царящий в братии авиационно-технической именно тот животворящий допинг, что даёт авиаторам силы жить весло и служить стране. Содержит нецензурную брань. Содержит нецензурную брань.

© Жуков В., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

ГЛОТОЧЕК СЧАСТЬЯ ИЛИ ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

от автора

Кочегарами окрестила военная авиационно-техническая молва бортовых инженеров стратегических самолётов. На одном из них – «Ту-95» – я вволю покачегарил. Вместе мы довольно побороzdили неба и так подружились крепко, что не расстались даже после того как ракетносец порезали и он перестал реально существовать. Каждую ночь после того самолёт стал прилетать ко мне в снах. В них наша прежняя жизнь нашла своё продолжение. В частых беседах дружеских возникла общая идея писать.

Представляем вам одну из написанных нами книг. Она о нашей прошлой, земной, но исключительно интересной жизни.

«Ту-95 ВКМ» бортовой номер 85

и Владимир Жуков

ГЛОТОЧЕК СЧАСТЬЯ ИЛИ ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ

Старший лейтенант Александр Петрович Фомин, техник самолёта по авиационным двигателям, оттрубил в Советской армии ровно тридцать лет календаря. На одном месте. На одной должности и в одном звании. Служба подходила к своему естественному концу. Документы давно на подсчёт ушли и вот-вот уже должны вернуться были. А там – дембель и новая, незнакомая и пугающая гражданская жизнь.

Листая в мыслях свою судьбу как старую замусоленную книгу, Александр Петрович неизбежно приходил к заключению, что ничего хорошего военная карьера ему не принесла: ни денег, ни славы, а жизнь осточертела однообразием своим, нищетой да монотонностью.

За тридцать календарных лет Фомин заработал лишь скромную квартирку да кое-какую неказистую мебель. Даже гаража у него не было, а офицер без гаража в авиации, что гармонист без гармошки на селе. Без машины – это ещё терпимо, а вот без гаража – труба дело: ни выпить в уединении, укрывшись от всевидящих очей жены и начальства, ни просто пообщаться с мужиками, друзьями-товарищами... Правда, на двадцать восьмом году службы скопил-таки Петрович денег на «Москвичок» и уж хотел было в кассу взаимопомощи лезть, чтобы ещё и гаражик прикупить, да не тут-то было. Так он обрадовался автомобилю – своему первому, серьёзному, можно сказать, крутому приобретению, что разбил его вдребезги, не покатавшись и недели одной. Продал за бесценок Петрович его, а гараж покупать не стал. К чему перед самым дембелем?

В молодости Александр Петрович был человеком довольно горячим, во всём уважающим движение, перемены, но попал служить в Дальнюю бомбардировочную авиацию, где сам процесс службы отличается исключительной монотонностью и однообразием. В транспортной или истребительной – там всё ходуном: бегут, спешат, торопятся, а здесь – время как будто остановилось. Кроме того, большие и сложные бомбардировщики огромного количества техников требовали. Их было так много, что основная масса просто обрекалась на отсутствие всякого продвижения по служебной лестнице. Поэтому гарнизоны Дальней авиации отличались обилием тучных пожилых старших лейтенантов, которые отбарабанили от звонка до звонка в одной должности и в одном звании.

Эти пожилые старшие лейтенанты больше всего на свете не любили форму носить военную. Шарахались словно черти от ладана от неё и при любой возможности парадно-выходной, и повседневной лётно-техническую предпочитали ту, на которой погонов нет.

Не отличался в этом отношении от своих коллег и Александр Петрович. Форму военную в конце службы он совершенно терпеть не мог и потому от всей души измывался над нею. Туфли носил чёрного цвета фасона нестандартного, носки – цветные обязательно, а дополнял комплексный набор нарушений здоровенное кольцо обручальное – гнева начальственного источник. Ношение колец почему-то в Советской армии не приветствуется и считается нарушением формы одежды.

Вот и сегодня Александр Петрович прибыл на построение как раз с полным набором своих стандартных нарушений: туфли, кольцо, носки, а комэска гвардии майор Кошолкин, осматривая состав личный, бросил взгляд на розовые носки и чёрные ботинки Фомина. Командир эскадрильи имел кличку в полку Стекланный Глаз. Так окрестили его офицеры за непрошибаемость и бездушность. Так вот, увидев неуставную обувь и носки, он было хотел мимо пройти, зная, что дедушка Фомин уже, можно сказать, одной ногой на гражданке, но, заметив украшение на руке, взорвался прямо-таки:

– Вы почему, товарищ старший лейтенант, безобразничаете? Мало того, что обувь чёрт знает какая, так ещё и на палец натянули видите ли кольцо. Снимите сейчас же!

Петрович стоял, понуро опустив голову, и молчал, что только масла в огонь плеснуло:

– Что молчите? Может вы в цирке клоуном желаете послужить, так я вам помогу в этом деле, такую характеристику отменную дам, что вас обязательно примут в заведение то! Вы же, товарищ гвардии старший лейтенант, переплюнули Олега Попова давно. В цирке лафа вам будет. Да, и вот что ещё я вам заметить хочу: колечко – одно оно, прямо скажем, слабовато смотрится... Ещё серёжки прикупить надо и ещё колечко одно, для ноздрей – полный ажур тогда: и в ушах, и в носу, и на пальце – видоз! А так – порнография только несолидная одна!

Довольный таким саркастическим, почти художественным монологом Стекланный Глаз глядел на своего подчинённого как на напраказившего шалуна, явно демонстрируя своё превосходство. С ухмылкой ехидною и без гнева. Но Александр Петрович выдал такое, что заставило комэска сбросить с себя ореол великого мыслителя и чтеца да к тому же прямо-таки перепугаться очень:

– Понимаете, командир, неуставную форму я ношу по случаю того, что на дембель скоро и мне ни к чему готовое обмундирование получать. Я хочу со склада материалом подразжиться да деньги за пошив забрать. Как там на гражданке будет-то без накоплений? Ни кола, ни двора ведь. Родни и то никакой нету. А кольцо я, командир, надел с дуру и вот теперь снять не могу. Всем экипажем пробовали – хоть палец режь. Вот вы старшего техника моего спросите, он подтвердит. Понимаете, командир, ради уважения к вам я бы точно отрезал этот палец долбаный, да сами знаете: нет в санчасти у нас хирургов правильных. Палец начнут резать, а останешься без руки. В окружной же госпиталь направление мне никто не даст, чтобы там разобраться с пальцем. Дадите направление в Ростов или в Москву – с радостью отрежу тогда. А на то командир вы, вот и решайте сами.

Стекланный Глаз, выслушав такой идиотский монолог Фомина, опешил. Гвардии майору Кошолкину совсем не лишней была военная карьера и продвижение по служебной лестнице, потому слова офицера его здорово взволновали. Он понимал, что вполне естественно сойти с ума, прослужив тридцать лет в ДА помазком. Ответ Фомина как раз подтверждал именно эту версию. «Крыша поедет – отчекрыжит палец. Сильно нужно мне, чтобы мои подчинённые членовредительством славились. Пусть на дембеле себе хоть яйца режут, а пока же служат сволочи, так уж и терпят пусть», – думал Стекланный Глаз.

Выдержав лёгкую паузу и даже не посоветовав не резать пальчик, а распилить кольцо, улыбнулся он и, демонстрируя отеческую заботу, сказал вежливо:

– Да что вы, Александр Петрович, шуток, что ли, не понимаете? – и с назидательной мягкой строгостью добавил. – Пальчик отрезать вам совсем не надо. Пригодится в народном хозяйстве пальчик. Стоящие в строю офицеры дружно заржали.

Стекланный Глаз покраснел и, закончив на этом осмотр личного состава, пошёл докладывать о результатах начальнику штаба полка.

После построения экипажи разбрелись по стоянкам, и Фомин медленно и не торопясь потопал на свой самолёт. Мысли его были поглощены лишь одним, как сложится дальнейшая судьба на гражданке? Так ему не хотелось, чтобы та небольшая часть жизни, которая осталась, походила на уже прожитую. Но одно дело – иметь желание, а другое – реальные возможности, а их как раз Александр Петрович как ни старался, отыскать не мог в перспективе.

И вдруг его разморённое утренней прохладой сознание приостановило меланхолический ход мыслей и голосом свыше прошептало: «Плохо ищите, Александр Петрович! Вы разве не заметили, что обладаете колоссальным, уникальным даром?»

Фомин вздрогнул от неожиданности и остановился.

А ведь и вправду: тридцать лет непроглядной тоски развили в нём очень оригинальную способность. Как эволюция постепенно научила верблюда находить воду в пустыне, так и жизнь научила Фомина отыскивать даже едва заметные глоточки счастья. Так стоило ему только лишь зайти в гаражи, как он уже знал, где пьянка. Или же с водкой во времена, когда

туговато было, так Александр Петрович, лишь выйдя в город, мог безо всякого, просто шагая, прийти именно в тот магазин, где зелёная ожидала. А кругом – хоть шаром кати. Вот как.

Проснувшись как-то утром, он почувствовал, что его тянет куда-то. Собрался и пошёл в штаб, а там талон на «Москвич» вручили. Командир корабля отказался, и ему отдали, потому что первый подвернулся под руку. Даже замполит перехватить не успел. Талон-то сам по себе – это уже бабки, несмотря даже на то, что он на «Москвич» всего лишь. Хоть и слабый да дефицит. И нет бы тогда продать сразу его, деньгами подразжиться, так нет же – купил машину, чтобы разбить. Но это уже дело другое. А способность к поиску была всё-таки.

Вот и сейчас, когда топал он на самолёт свой в одиночестве, в сознании отчётливо обозначилось: «Праздник где-то! Где-то колоссальное и даже захватывающее нечто!» По мере приближения к стоянке самолёта чувство это усиливалось и, словно компас, подтверждало правильность курса.

Проходя мимо самолёта № 82, он чуть было лоб в лоб не столкнулся с бортовым инженером этого корабля, гвардии капитаном Кругловым. Тот посмотрел на Петровича и, помня сегодняшний монолог Стеклянного Глаза на построении, с подначки начал:

– Что ж это вы, Александр Петрович, на стоянку топаєте, а я уже грешным делом думаю, что в санчасть пошли за направлением в Ростов – пальчик резать, колечко снимать. Ах, да! Прошу прощения, вы вариант второй взяли: колечки, значит, в нос да в ушки! На выходные мы всем экипажем что-нибудь подберём вам.

Закончив, Саша Круглов, исподлбья улыбаясь хитро, уставился на Петровича. Фомин молчал, соображая, как правильно ответить на подковырку, а Круглов не закрывал тему:

– Да, видно совсем у тебя, Петрович, плохо с головкой стало. Ладно – форма одежды. Ладно – кольцо, но скажи ты мне, дорогой коллега, на хрена ты вообще на построение-то явился, коль тебя никакая собака искать не будет? Сиди себе на карьере да лакай пиво, а тебя черти на службу тянут моржей впустую гневить. Видно, совсем доконала долюшка помазковая.

На такую хамскую бестактность оставалось только смачно выругаться, и Фомин раскрыл уже было рот, чтобы поставить на место всем известного в полку балагура, но Круглов опередил его:

– Да не кипятись ты, Петрович, учись шутки понимать. Тебе что сегодня на построении комэска сказал? Шуток ты понимать не можешь! А на гражданке если так будешь реагировать на всё, то пропадёшь. Имей это в виду. А ведь в РККА без шуток вообще выжить нельзя. Так что не обижайся ты, а на 85-й топай за мною лучше. Там, Саша, рухнешь дела, Абрикосов, понимаешь, свинью режет. Так что печёнка предстоит, ну и, соответственно, мальчишник.

Сказанное Кругловым подтвердило уверенность Петровича в том, что он на самом деле обладает уникальной способностью. Ведь предчувствовал и как по компасу точно шёл, надо куда.

– Ладно, Саша, – с укоризной выдавил из себя Фомин, – так и быть, прощаю. Что обижаться? Ты ведь, кроме Сибири, откуда родом, да РККА ничего не видал. Откуда тебе правильных манер набраться, скажи, и уразуметь то, что старших уважать надо в любом нормальном обществе, а не подначки им строить! Гондон ты лопнутый!

Обменявшись такими приветствиями, коллеги вдвоём, молча и не спеша двинулись на 85-й. До стоянки его ходьбы было минут с пятнадцать, и уже припекало, потому вести разговор не было у товарищей желаний вовсе. Шли они и размышляли каждый о своём. Фомин думал: на гражданке он теперь на коне. С такой способностью не только пьянки в гаражах можно безошибочно отыскивать. Если с толковыми людьми, с экстрасенсами, посоветоваться, так они подскажут, как подразвиться да обрести возможность клады, к примеру, находить, ну и мало ли какие ещё там ценности.

Капитан Круглов, разморённый жарой и борющийся с последствиями вчерашнего перепоя, ни о чём не думал – просто похмелиться хотел. Но на территории части дело это гиб-

лое было, потому носились мысли его в воспалённом мозгу, в бессилии в вихри скручиваясь. Голова от того болела нещадно и трещала, словно раскалённый чугун.

Наконец путь товарищей завершился. Прибыли они на стоянку самолёта № 85. Войдя в нишу капонира, офицеры ощутили блаженную прохладу и плюхнулись на нары рядом с лежащими техниками – техническим экипажем самолёта. Люди дремали и даже не обратили внимания на вошедших. Лишь лейтенант Петров, недавно призванный двухгодичник, старательно переписывающий конспект по карле-марле, поднял глаза на гостей и снова опустил их в тетрадку.

Следует отметить: в Советской армии конспект по карле-марле являлся ничем иным, как строго обязательным, собственноручно изготовленным документом, характеризующим любого военнотружущего: от солдата до маршала. Любая проверка по карле-марле начиналась с определения наличия конспекта. Нет конспекта – так с тобой и говорить не о чем, даже если ты знаешь всё в тыщу раз лучше самого пузатого замполита. А вот если есть конспект – другое дело тогда.

По карле-марле только лишь две оценки существует: «усвоил» и «не усвоил». Так вот, наличие конспекта – это самая основная ступень для получения оценки «усвоил», вторая, необходимая, но уже не столь важная – это знание классиков марксизма-ленинизма да политики партии и правительства. Хотя при наличии конспекта второе – формальность чистая, ибо, если башка совсем не варит у вас, и вы даже двух слов связать не можете – не беда: подглядывайте в подспорье и, даже если совсем дурак, то читайте: не возбраняется. Конспект – он и в Африке конспект.

Вот и переписывал лейтенант Петров карлу-марлу для экипажа всего, как самый молодой и службу только что начинающий. Почерк у него был исключительно красивый, и потому мнение техников по поводу того, чтобы на общественных началах назначить его переписчиком экипажным, было единодушным.

Но есть ещё и третье условие получения оценки «усвоил» – это отсутствие серьёзных взысканий. К примеру, шли вы, выпивши, по городку, а вам кто-то взял, да и проломил голову. Конечно же, оценку «не усвоил» получите, потому что выпивши, шатаясь где попало, о персоне собственной не беспокоясь, вы тем самым выражаете глубокое неуважение к основоположникам. Разве завещали вам классики в работах своих в состоянии шаландать пьяном?

И вообще, если вы что-то нехорошее с точки зрения отцов-командиров совершаете, то также, соответственно, не уважаете классиков и вполне можете получить по марксистско-ленинской подготовке оценку «не усвоил». Нигде ведь не писали они, что игнорировать волю командиров-отцов – хорошо это.

А уж «не усвоил» – дело серьёзное. На карьере во всех ипостасях её смело можете крест ставить. Не будет вам ни должности, ни звания, ни квартиры нормальной и ни малейшего уважения руководства. Спасти от последствий оценки «не усвоил» может только длинная и толстая волосатая рука, у кого есть. А нету – так письма пишите.

Лейтенант Петров уже знал про это. Научили. И поэтому он из кожи лез, чтобы заработать уважение экипажа, помогая в таком важном и ответственном деле.

Фомин, устроившись на нарах, задремал почти мгновенно, и сразу же приснился сон ему, в котором он с экстрасенсами колоссальные способности свои обсуждал. Капитану Круглову же не спалось, и он безжалостно прервал сладкое видение, заорав, что было силы:

– Подъём! Пожар!

Ошеломлённые спящие техники повскакивали со своих мест. Полусонные, сбивая друг друга, они всё-таки в считанные секунды покинули нишу капонира и к огнетушителям кинулись. Старший техник самолёта, гвардии капитан Охалков, вместе с двумя механиками подкатил к нише тележку с огромным противопожарным баллоном и уже готов был выпустить внутрь углекислый газ, как оттуда раздалось громкое и залиvistое ржание гвардии капитана

Круглова. Наконец, сонный экипаж понял, что произошло, и разразился мощными виртуозными руладами отборного авиационно-технического мата.

Старший техник самолёта решил наказать шутника. Он взял с пожарного щита ведёрко, почерпнул им из бочки воды и свистнул шоферу проезжавшей мимо ТРЖК. Машина остановилась. Охалков в одно мгновение оказался возле неё и крикнул солдату:

– Срочно ангину сделай!

Солдат долил в ведро с водой жидкого кислорода. Стрелой метнулся с ним Охалков назад к нише, откуда всё ещё раздавался сочный разухабистый смех Круглова. Влетев туда, капитан выплеснул содержимое ведра прямо на дрожащее пузо кочегара зарвавшегося. Какую температуру имела жидкость, я судить не берусь, но точно знаю, что она была даже очень-пре-очень холодная. Как-никак из воды не успел ещё полностью улетучиться кислород, а какую температуру он в жидком состоянии имеет, известно. Так или иначе, но смех перешёл на визг, и из ниши, как ужаленный, выскочил Круглов. Лихорадочно стаскивая комбинезон с себя и дрожа от холода, подставил он живот под тёплые спасительные лучи солнца. Через несколько же минут гвардии капитан был уже вполне боеготовым.

Теперь ржали техники, а вышедший вслед за Кругловым капитан Охалков, удовлетворённый отмщением, улыбался мило.

На лице Круглова хотя и можно было прочесть недовольство, однако он всем своим поведением хотел показать, что к шуткам относится понимающе, зла не держит ни на кого:

– Молодцы вы вообще-то! Весело в вашем экипаже! А я шутки и веселье люблю – меры нет!

– Шути, Саша, побольше, – ответил гвардии капитан Охалков, – глядишь, так и мы научимся.

После этой сцены ярость техников прошла как-то сама по себе, будто не было её вовсе, ведь Круглов – гость почётный на корабле. Здорово обижать его нельзя было. На завтрашнюю печёнку капитан приглашался как самое ответственное лицо. Именно ему предстояло резать кабана прапорщика Абрикосова. Круглов, понимая это, погрев на солнце пузо и почесав, начавшую лысеть, голову, заворчал:

– То, что вы шутники, мужики, – это прекрасно. Чувствуется, что мы понимаем друг друга. Только вот мои шутки вашим шуточкам – рознь. Мои-то направлены на укрепление воинской дисциплины и повышение боеготовности части, а ваши – совсем в другую сторону. Поясняю для бестолковых. Гвардии капитан Охалков окатил «ангиной» здорового бойца РККА, то есть меня. Что же могло произойти? А произойти могло то, что воин РККА, гвардии капитан Круглов, мог простудиться, заболеть и из строя выйти, а самолёт его – стратегический ракетоносец – без сердца, то бишь без меня мог остаться, что серьёзно повлияло бы на боеспособность нашей доблестной армии, и ответственность за это, товарищ Охалков, полностью бы на вас легла. А теперь посмотрим, к чему ведут мои шутки. Как вы понимаете, моржи, будучи людьми понимающими, разрешили не работать на самолёте, пока не спадёт жара, потому что прикоснуться невозможно к обшивке: раскалённый дюраль не шутка. Но это совсем не значит, что, если они разрешили отдыхать, то на самолёте не должно быть дежурного по кораблю. Так вот, мало того, что вы ошарашили доблестного советского офицера, достойного воина РККА, чистейшим жидким кислородом, лишь самую малость перемешанным с водой, что одно преступление только, вы самолёт свой безответственно оставили без присмотра, чем подвергли его опасности. То есть совершили сразу два опаснейших и непростительных деяния. Командирский корабль, можно сказать, погиб совсем недавно по той же самой причине, что дежурного по кораблю не было: спал вместе с остальными в нише капонира.

Круглов сделал паузу, чтобы полюбоваться действием сказанного и, увидев, что экипажу не терпится узнать, что же там случилось в первой эскадрильи, продолжал:

– А в первой эскадрилье, когда все также отдыхали, на свой самолёт, откуда ни возьмись, подрулил на «Газике» наш комполка гвардии полковник Садистов. Отпустил он машину и по стоянке взад-вперёд начал ходить. Ходил он себе, бродил, да так и не нашёл никого. Ни единой души кругом. А самое интересное заключалось в том, что полковник Садистов пьян был до такой степени, что никак додуматься не мог до ясной, как божий день, истины: техники в нише капонира спят. Так пойдёшь к ним, выдери их как сидоровых коз, чтоб служба мёдом не казалась. И работа с личным составом была бы проведена, и самолёт бы, конечно же, уцелел. Так нет. Гвардии полковник Садистов, никого не найдя, не нашёл ничего лучшего, чем подойти к стойке передней и безжалостно обоссать её...

Эффект, произведённый на публику, был ошеломляющий. Все, кроме молодого, переписывающего карлу-марлу, прекрасно понимали, что значит на самолёте описать стойку шасси! Такой самолёт обречён, и ни один уважающий себя лётчик ни за что на нём летать не будет.

– Так вот, товарищи офицеры! И в особенности вы, товарищ лейтенант, – продолжал Круглов, переводя взгляд на лейтенанта-инженера Петрова, – вы должны понимать, что произошла в первой эскадрилье не просто предпосылка к лётному происшествию, а возникло ЧП международного, планетарного масштаба. Почему? А потому, что самолёт наш стратегический. Носитель ядерного оружия. Каждый такой аэроплан индивидуально на учёте в ЦК КПСС стоит. Падает, к примеру, истребитель или транспортный какой, так и бог с ним. Самолёты эти для ЦК – простые инфузории. А падает наш самолёт – так даже дорогого и любимого Леонида Ильича будят в любое время: хоть пьяного, хоть трезвого. И сами Кутахов и Устинов навтыяжку становятся перед ним и от страха дрожат как самые последние негодяи. Боятся, что звёзды с них посыплются и от кремлёвской кормушки отведать сладкой.

Круглов, которого все внимательно слушали, вновь сделал паузу, вынул из кармана пачку «Примы», достал сигарету и, медленно размяв её, закурил. Окутав пространство перед носом облачком густого вонючего дыма, он продолжил:

– Так вот, товарищи! Поднимая вас своей командой, я желал одного: хотел показать, что самолёт ваш никем не охраняется, а клоуны, подобные нашему полковнику, только именно такого момента и ждут, чтоб над техникой покуражиться да детей без отцов оставить. А теперь скажите, товарищи, за что же я потерпел холодный душ? За то, что хотел спасти ваш самолёт от позорной и неминуемой в дальнейшем гибели или другими словами за то, что боролся за мощь нашей доблестной РККА? Думаю, после того, как я более-менее подробно просветил ситуацию, вам всем и, в частности, капитану Охалкову, должно стать мучительно стыдно за содеянное.

Монолог капитана Круглова возымел определённое действие на техников и, наиболее, на лейтенанта Петрова.

– Товарищ капитан, – обратился он к старшему технику Охалкову, – а давайте навес под фюзеляжем смастерим. Я б и писал, и за самолётом приглядывал.

На лицах стали медленно вырисовываться улыбки.

– А кто ссыкуна застукал, коли спали все? – подозрительно поглядев, Круглова спросил Охалков.

– Так он, когда своё грязное дело совершил, запел. Ну и повыскакивали товарищи техники из ниши и застали негодяя на месте преступления как раз в тот самый момент, когда он аппарат свой бестолковый чехлил.

– Да! – влез в разговор Фомин. – Сколько теперь гробиков наскірдуем, девять?

– Может, кто выскочить успеет, тогда меньше получится, – уточнил Охалков.

– А может быть, в тот полёт помеху не возьмут, так ещё меньше будет, – добавил лейтенант Петров, как вполне состоявшийся авиационный специалист.

– Так вот, – не унимался Круглов, – всем теперь должно стать ясно: кто есть кто. Кто – вы, и кто – я!

Охалков, недолго думая, уточнил, кто такой гвардии капитан Круглов:

– Конечно, Саша, ты большой человек: ты грозный воин РККА, а не пиздюлина какА!

Хохот экипажа прокатился над полем.

– А как вы думаете, товарищи, – спросил у окружающих лейтенант Петров, – что за это будет полковнику?

– А ничего не будет, – пояснил капитан Круглов, – он самолёт на прошлой неделе обоссал, а ровно через три дня его повысили, и наш доблестный полковник на днях гарнизон покинет. Должность ему дали инструктора по пилотированию. В Москву пошёл пьяница.

– Так за что повысили-то?! – возбужденно и с удивлением воскликнул Петров. – Его же сажать надо или уж по крайней мере турнуть.

– Э-э! Товарищ лейтенант, – вновь взялся за разъяснения Круглов, – мало вы ещё конспектов пописали, чтобы понять РККА. Здесь всё наоборот делается: чем больше работаешь, тем меньше получаешь, и, соответственно, наоборот. Вы ещё не ощутили на собственной шкуре, что такое награждение не участвующих и наказание невиновных. Скоро, уверяю, усвоите эту истину и вопросов задавать таких вряд ли станете. Поэтому разжую я вам этот случай по полочкам как молодому ещё, необстрелянному, но очень перспективному воину.

Наш полковник – конченный пьяница, и давно бы его вытурили из армии, но в Министерстве обороны у него толстая волосатая рука. Родной дядя – генерал-лейтенант. Так вот, когда ровно через день после совершения преступления наш комполка присутствовал на собрании дивизионного руководства, которое проводил комдив, он так же здорово отличился: заснул и упал со стула. Разбудить его так и не смогли. Говорят ещё, что обоссался во сне. Так домой тёпленького и отволокли. Ну дядя думал-думал, что делать-таки с племянничком, да и придумал вот. Раз, мол, пьяница, так летать ему всё равно долго не придётся, а в Москве как раз должность инструктора освободилась. Он туда и всунул его, чтоб жильё захватить. Теперь же, пока не напакостил, уволит дядя с почестями полковника нашего и с квартирой московскую. Вот такие дела творятся, – завершил монолог Круглов.

– А куда замполит полковой смотрит? – не унимался Петров. – Он обязан добиться наказания полковнику и официально доложить руководству и подчинённым о том, что произошло в первой эскадрилье. Люди должны знать, что с командирским-то самолётом вышло.

Довольный Круглов снисходительно слушал лейтенанта. Смотрел на его наивную непосредственность и чувствовал, что диалог закончится нескоро, что ещё немало времени сегодня отведёт судьба для столь, по его разумению, изысканного красноречия. А уж поговорить Круглов любил, наверное, больше, чем самый болтливый замполит во всей ДА. Потому, как только Петров умолк, Круглов, не давая передышки слушающим, продолжил:

– Э-э! Да вы совсем тёмная личность, товарищ лейтенант. Вы, оказывается, не знаете, что это только при Сталине замполиты такими были воинами РККА, которых любили и за которыми шли на смерть. Про них даже простые бойцы песни слагали. Вот про замполита нашего полка фронтовики сложили песню, в которой были такие строчки:

...нёс на крылАх комиссара Резонова —

Сердце и душу полка!

Это написали боевые соратники, простые лётчики, вовсе не поэты какие-нибудь. Смысл сего заключается в том, что самолёт несёт на своих крыльях не простого пилота, а очень уважаемого человека, боевого комиссара – сердце и душу полка. Видите, товарищ Петров, как любили воины своего замполита. Сейчас дело совсем иначе обстоит. Нынче про комиссаров тоже песни складывают, только содержание и смысл в них совсем другие. Пожалуйста, вот вам пример:

Солнце жарит и палит,

В отпуск едет замполит,

В поледохнут глухари,

*В отпуск едут технари...
Или вот ещё:
Нам лекции читает
Наш толстый замполит,
У нас от этих лекций
В башке вопрос стоит.
И кое-что ещё,
И кое-что иное,
О чём не говорят,
Чему не учат в школе.*

Такие песни, товарищ Петров, сейчас пишут про замполитов потому, что превратились они в настоящее время из сталинских соколов, уважаемых и дорогих людей, в самых настоящих хапуг и негодяев. Через кого идёт распределение материальных благ? Через замполитов. Всё через их руки проходит: квартиры, машины, мотоциклы, ковры. Привыкли они щипать ото-всюду, так и опустились до сегодняшнего состояния своего. Главной задачей замполита стало: как можно поплотнее карман набить да погоны добыть покруче. Для того же, чтоб думали, будто они для людей быются, обучают замполитов подчинённым на уши лапшу вешать. Тут уж им равных нет. Вот знаете, товарищ лейтенант, что вам скажет наш полковой замполит, если вы поделитесь с ним своими мыслями по поводу уничтоженной стратегической единицы. Он, недолго думая, посоветует вам записаться в полковой хор, чтобы там вы могли освободиться от лишней, мучающей вас энергии...

Неизвестно, сколько бы ещё разговоры шли, если б прапорщик Абрикосов не прервал их обращением к Круглову, в прозу жизни сермяжную опускаая:

– Вы, товарищ капитан, не забывайте, что завтра печёнка, и не опаздывайте, а то люди нажрут до закуси. Праздник испортится.

То, что, кроме умения заливать красиво, Круглов имел привычку опаздывать, знали все.

Высказанная Абрикосовым фраза окатила капитана почти так же, как только что с кислородом ледяная вода. Вдохновение упорхнуло как подбитая птица раненая. Высокая материя столкнулась с действительностью примитивного земного существования. Кочегар смолк.

Наступила тишина, какая-то особенная, приторно-жаркая, которая может располагать только к физической и умственной лени. Мысли в головках технарей хотя и еле шевелились, но ещё способны были вытащить из подсознания довольно неприятную информацию: «Коль завтра зачёты по карле-марле, то экипажу в полном составе присутствовать на мероприятии не удастся, а это уже не печёнка, а так. Непонятно что».

В души людей стала заползать тревога.

На самолёте № 85 начальником технического экипажа был бортовой инженер гвардии старший лейтенант Шухов. По вопросительным взглядам своих подчинённых он понял всё без слов: «Завтра, мол, и печёнка, и марксистско-ленинская дивизионная проверка. Ты начальник, ты и решай, что делать».

Абрикосов и Круглов не в счёт были. Они заранее подстраховались. Прапорщик заручился разрешением инженера эскадрильи. Механик он был неплохой, и потому не отпустить его два-три раза в год зарезать свинью инженер не мог. Понимал, что если хорошего прапорщика зажать, не отпустить на такое дело, которое его семью кормит, то человек просто уйдет с эскадрильи, а взамен его, либо никого не дадут, либо дадут такого, что лучше бы вообще не давали. Так что с Абрикосовым ясно всё прямо как божий день.

Круглов, зная, что предстоит мероприятие, и понимая, что в армии в любой момент всё поменяться может, глухо застолбил дату. В левом кармане его рубашки мирно покоилось направление в госпиталь. Так что Круглов на мероприятие попадёт. Его практически в части уже нет. А вот с остальными – дрянь дело.

Шухов наморщил лоб, судорожно перебирая все возможные варианты игнорирования марксухи. Он посмотрел на ждущих его решения техников и увидел в их глазах неуёмную жажду маленького счастья, почувствовал, что ребятам, как зекам коротенького долгожданного свидания, печёнки хочется. Разрядки. Отдушины от обрыдлого надоевшего бытия.

Шухов хотел подарить людям счастье, только в случае данном ничего придумать не мог. Не выйти на сдачу зачётов всем экипажем во главе со старшим бортовым инженером означало ЧП как минимум в масштабах корпуса, а то и всей Дальней авиации. Игнорировать карлу-марлу в Советской армии не положено никому, так же, как в монастыре библию. Заболеть всем – это тоже не выход. В момент разберутся. Особый отдел долго возиться не будет. Пришьют такое, что и в сне страшном не увидать.

Вспомнят 1967 год, когда заводские бригады приезжали звёзды смывать и арабские буквы малевать на крыльях перед настоящим боевым вылетом на помощь Египту. А начальство всё в одночасье заболело тогда. Испугалось. Полки из-за отсутствия руководства высокого комэски вели.

Так вот, вспомнит особист 67-й год, проведёт соответствующую параллель и пришьёт там какую-нибудь измену или даже похуже что. В самом лучшем случае тогда будет просто остановка в продвижении по службе, в получении квартиры и вышвыривание из РККА по недисциплинированности, без пенсии и права ношения формы одежды. Никому и в голову не придёт, что попроще дело, что причина печёнка тут.

Шухов напряженно мыслил и наконец пришёл к такому выводу, что единственным выходом в данной ситуации будет являться инсценировка неисправности самолёта. «Если к концу дня найти какую-нибудь поломку, которую нужно будет устранять ночью, то всё получится, – думал Шухов, – если неисправность эту устранять до рассвета, то утром никто не спавших, помятых техников на марксуху не осмелится гнать. Их домой отправят мыться, бриться да переодеваться, а за время это дьявольщина-то и пройдёт».

В том, что вариант такой сработает, Шухов не сомневался. Он был твёрдо уверен: замусоленных небритых техников на ясны очи проверяющих не допустят, ибо это будет по армейским понятиям самым настоящим глумлением над таким священным мероприятием, как зачёты по марксистско-ленинской подготовке.

Инсценировку неисправности мог осуществить только Шухов. Он был кочегаром, и потому знать самолёт было его жизненно важной необходимостью.

– Не горюйте, ребята, – успокоил он своих коллег, – справимся мы с карлой-марлой поганой.

У ребят отлегло от сердца.

– Расчехлите мне самолёт, – приказал Шухов, – я буду двигатели гонять.

85-й вскоре был расчехлён, и каждый член технического экипажа занял своё место, предназначенное ему инструкцией по гонке двигателей на земле.

Шухов влез в кабину бомбардировщика и после нескольких неудачных попыток объявил старшему технику Охалкову, который был на связи у передней стойки, что третий двигатель не запускается.

Охалков отсоединил кабель связи от стойки шасси и посеменил к домику инженера эскадрильи. Вскоре оттуда показалась группа техников по авиационному оборудованию во главе с инженером эскадрильи и начальником группы по АО.

Они вместе с Шуховым попытались запустить двигатель. Не получилось. Тогда спецы проверили цепи запуска. Всё было исправно, но двигатель снова не запустился.

Вызвали полковых инженеров. Они по своему статусу обязаны были знать своё дело на порядок выше, чем эскадрильские специалисты, но и у тех не вышло однако.

К стоянке самолета № 85 уже летел «Газик» старшего инженера полка. Подъехав, тот выскочил на ходу и разразился неистовым авиационно-техническим матом. Шквал непристой-

ной брани свалился сначала на полковых инженеров, потом на техников эскадрильи и лишь потом старший инженер, подполковник Бочкин, как бы вспомнив, спросил Шухова:

– А зачем ты вздумал двигатели-то гонять? Кто просил тебя?!

– Как же было не погонять третий двигатель, товарищ подполковник, когда дьявол прямо-таки вселился в него: запускается только тогда, когда сам захочет и, что главное, дело в чём дать ладу никак не можем?

– Ладно, Володя, – уже по-отечески сказал Бочкин, – зачехляй ты его к шутам. Пусть неисправный постоит ночь. Ничего с обороноспособностью страны не случится. Что поделаешь, если в академиях таких идиотов готовят, которые сущую безделицу на самолёте не в состоянии отыскать. Подумай сам, как я завтра глазами буду хлопать перед дивизионной комиссией. Мало того, что самолёт неисправен, так ещё и мудрые инженеры сделать ничего не могут. Позор!

– Товарищ подполковник! Зря вы меня уговариваете! Я в партию документы подал и с неисправного самолёта, как коммунист, уйти не имею права, поломку же, обещаю, мы отыщем и устраним к утру, и комиссия дивизионная знать о том ничего не будет.

Подполковнику Бочкину сказать на это было нечего. Отдать приказ оставить на ночь небоготовый самолёт права он не имел. Выругавшись в сердцах, плюнул на бетон Бочкин да уехал.

Под самолётом осталась целая толпа специалистов, которые не знали, что делать. Ведь и так несколько раз проверяли цепи, но как только дело доходило до запуска, в самолёт как будто вселялся Дьявол.

Воцарилось молчание.

– Товарищи инженеры! – разорвал тишину Шухов. – Езжайте-ка вы домой да спите спокойно. Тут не техническая неисправность. Здесь дело мистическое сугубо. У самолёта есть душа. Устал кормилец. Решил отдохнуть наедине с экипажем и соответственно оставил нас сегодня возле себя. Если вы останетесь – только разозлите его, помешаете потому что. Так рассердите, что потом заводские ладу не смогут дать.

Хотя специалисты приняли слова Шухова за шутку, однако согласны полностью были в том, что повторять одно и то же нет никакого смысла, и решили мудрости народной на милость садиться: утро вечера мудренее.

Инженеры уехали домой, а на аэродром медленно ночь легла.

Круглов и Фомин остались ночевать на самолёте. Как только с глаз скрылся последний инженер, Шухов скомандовал:

– А теперь спать, ребята! К утру все как огурчики быть должны!

Нервное напряжение и жара прошедшего дня сделали своё дело, и люди, кто где, заснули, завернувшись в самолётные чехлы.

Спали все, только Шухову не спалось. Тишина ночного аэродрома околдовала. Приятно ощущать себя победителем.

О том, как Шухову удалось симитировать неисправность, которую не могли отыскать все инженеры полка, я вам не расскажу. Ибо, если сказать правду, вы мне всё равно не поверите. А впрочем, верьте не верьте, а было так: Шухов просто попросил самолёт имитировать неисправность так, чтобы разобраться никто не мог, и тот выполнил просьбу своего кочегара. Самолёты, они на самом деле тоже одухотворённые, живые создания. И тех, кто разговаривает с ними только на «Вы» и понимает их души, они особенно уважают и выполняют самые невероятнейшие их желания.

«Вот и сделал богоугодное дело. Почти победил дьявола», – размышлял Шухов. В том, что карла-марла от дьявола, не сомневался он ни на йоту. Всё шло пока по плану.

Победная эйфория и неотразимая красота южной ночи породили вдохновение, а оно, в свою очередь, выплеснулось стихами на помятый клочок бумажки, вырванный из старого двигательного формуляра.

*Спят самолёты, пуст аэродром,
Заря одела небо в позолоту,
И тишина, царящая кругом,
Пророчит утром ясную погоду.
И только солнце, радуя Казбек,
По полосе прокатится лучами,
Ракетоносцев стартовый разбег
Разбудит мир, что спит под небесами.
И солнцу гимн моторы запоют,
А корабли, торжественно взлетая,
С землёй прощаясь, крыльями качнут
И уплывут на сложные задания.
Ну, а пока колдует тишина,
Я на чехле балдею сладко в ней.
А рядом молча падает Луна
На Млечный Путь посадочных огней.*

Шухов написал стихи. Подкорректировал их немного и заснул, ну и сон сразу ему приснился...

...Сидит он на взлётной полосе, а рядом стоит самолёт его, да не вдоль, а вот поперёк почему-то. А вокруг, как вымерло всё. Никого: ни людей, ни машин, ни самолётов – поле голое. Ни конца, ни края не видно.

Вдруг выплывает из облака сатана. На стабилизатор садится и пронзает взглядом дьявольским кочегара. Прищуривается, значит, после и конкретно ему в лоб говорит:

– Ну что, дружище! Думаешь, победил ты меня? Дурак! Победить меня невозможно. Непобедим и бессмертен я: ссориться со мною не надо. Будешь моим верным слугой – всё у тебя будет. Станешь врагом моим – живьём сгною. Всяка удовольствия тебя лишу в наглую. Выбирай!

– Хорошо, сатана. Стану твоим верным слугой, – подумав немного, ответил Шухов. – Но ответь мне на один единственный вопрос: от кого карла-марла – от тебя или Бога?

– От меня, – ответил сатана.

– Вот поэтому и не буду я покорным слугой, потому что карлу-марлу терпеть не могу. Так что обходись как-нибудь без дружбы моей.

– Зря, выпендриваешься, кочегар. Пожалеешь ты скоро, что слугою моим не стал. Завтра же пожалеешь. Не забывай, что много всего вокруг тебя моего. Даже звёзды на самолёте и на погонах твоих – и те от меня. И на Кремле звезда горит моя – пентаграмма. Глаз всепроникающий мой на их каждом луче коротком. Знаю всё обо всех, всё вижу. А иначе бы я князем тьмы не был, то бишь князем мира сего.

Сон прервался. Шухов открыл глаза и ощутил яркий утренний свет и волшебную свежесть прохладного летнего кавказского утра, и взгляд сразу же почему-то наткнулся на стабилизатор. На нём красовалась здоровенная красная пентаграмма. «Ну и приснится же дрянь такая», – глядя на звезду, подумал Шухов. – А эти рогатенькие и вправду кругом. Глаз не успел продрать, как уже тут они. Ну да бог с ним, с дьяволом».

– Подъём! – крикнул он. – Приготовиться к запуску двигателей.

Экипаж чётко и правильно выполнил все положенные действия и вскоре третий двигатель, медленно набирая обороты, загудел, фыркнул и запустился. Немного поработав на малом газе, Шухов выключил мотор.

Старший техник пошёл на командный пункт инженера эскадрильи доложить об устранении неисправности. А после экипаж растворился словно. Исчез! Дружная, спаянная команда рванула к финишу, к долгожданной цели такой – к дому Абрикосова Васи.

С самолётом что было, мало интересовало кого: кочегарова то забота. Праздничек захватил собою цепкою хваткой мёртвой.

Калитка дома Абрикосова заскрипела, и весь технический экипаж самолёта № 85, а также Круглов и Фомин проскользнули в неё. Большой казацкий двор очень напоминал зажиточную помещичью усадьбу. В самой глубине его, чуть ли не по всей длине, располагался свинарник, где ждал смерти здоровенный кабан. Был он килограммов под триста весом.

У свинарника погребок открыт – ровно на подпорочке ляда. Тут же будка, в ней кобель лохматый. Птица мелкая рассекает. ИндюшИны вперевалку шествуют, их под дюжину. Прямо монстры. Доброму барану в весе фору дадут, потому и дефилируют гордо. Вид у них такой же как у сбитных ментов, что идут по маршруту чинно.

Круглову один такой индюк почему-то здорово не понравился, и он предложил Абрикосову:

– Слушай, Вася, давай я тебе, кроме свиньи, ещё и вот этого сопливца зарежу, ходит, падла, ухмыляется, прямо замполит наш. Сопли развесил, нахохлился. Безобразие.

– Да вы, товарищ капитан, не волнуйтесь. Если вам индюки мешают, я их в сарай закрою.

– Эх ты, Абрикосов. Помазок – одно слово. Ты же видал, как я режу? Видал! А коли так, то значит знать должен, что ас я – суперпрофессионал. Таких мастеров художественного убоя свиней на всём свете белом нет больше! Разве может, скажи, индюк помешать мне?

Саша Круглов действительно был непревзойденным мастером по резке свиней. Ремесло он перенял у деда, также бывшего нарасхват в деревне. Оставил дед внуку, кроме искусства своего, ещё и отличный немецкий штык. Трофейный, из отменной стали круповской.

То, что вытворял Круглов на подобных мероприятиях, делало их неотразимым и захватывающим шоу. Саша так виртуозно и точно владел кинжалом, что кабан даже не успевал ничего понять. Умирал легко и без визга. Будто бы спать ложился. Публику то наповал разило.

Абрикосов с коллегами быстро импровизированно стол накрыли. Водку выставили: пятнадцать бутылок, хлеб да соль, огурцы с лучком, ну и, чтоб пошло веселее дело, пропустить решили по фронтовой.

– По местам, товарищи! – прокричал Шухов, и компания дружно уселась вокруг стоящего в тени акации большого стола круглого.

Пили молча по первой, слышно было только бульканье да сопенье. А пока ребята закусывали, кочегары прогуляться решили да усадьбу Васи Абрикосова посмотреть. Шухов невзначай поглядел на будку и: Боже! Пентаграмму на ней узрел красную, как и у бомбардировщика на киле. Собака же, волкодав могучий, глянула на кочегара с испугом и завyla очень жалобно так. Никто, кроме Шухова, ни хозяин, ни гости не обратили совсем внимания на такое поведение пса, он же, вспомнив разговор ночной с дьяволом, содрогнулся, смутно чувствуя с тем событием связь. Показалось, что собака чует приближение жуткого чего-то. Только отогнал подальше Шухов мистику приставшую и к столу обратно, а Круглов к свинарнику подошёл и на объект работы предстоящей взглянул. Вепрь громадный надменно на мир смотрел. Был он не просто огромен, он был ошеломляюще велик и состоял, казалось, из одних только мышц накаченных. В теле животного не было даже намёка на присутствие сала. Такого знаменитый резчик на своём веку ещё не встречал.

Внезапно в голове Круглова возник грандиозный невероятный план. Он моментально спроектировал мысленно такое шоу, от которого даже дыхание сперло и вожаденно зачесалась ладонь. А решил Саша следующее: пойти, незаметно взять кинжал и опять к свинарнику, затем молниеносно расправиться с вепрем, так, чтобы никто не слышал, и вернуться к компании как ни в чём не бывало. Влиться в общую трапезу, а как только ещё по одной хлопнут,

пойдут кабана из сарая выгонять, глянут и обомрут. Он-то готовый лежит. Только и осталось, что опалить да разделать. Вот уж воля покуражится будет. В предвкушении высшего кайфа от предстоящего Круглов наспех даже подготовил речь, которая должна была не только ошарашить публику, но и напрочь dokonать этого ультра, этого экстремиста Охалкова, специалиста по кислородным ваннам.

Речь предполагалась такой:

«Дорогие друзья! Сегодня мы с вами имеем честь присутствовать на очень важном и ответственном мероприятии. Я приглашён как главное действующее лицо и как специалист своего дела. Безусловно, все вы не только желаете покушать печёнки и запить её напитком известным. Каждый из вас хочет получить эстетическое наслаждение, наблюдая за моей работой. Даже не просто работой, а единственным в мире супероригинальным шоу. Но увы. Концерта не будет, потому что у Абрикосова во дворе такой же порядок, что и у Охалкова на самолёте. Там нет дежурного по кораблю. Здесь собака с ворами дружит. Злоумышленники поэтому в отсутствие хозяев свободно проникли во двор и преспокойно уколошили вепря, по мощи клыков и мускулов не уступающего динозавру, а кобель вид делает, будто спит, и не лает даже для приличия. Хорошо мы вовремя подоспели, да воров спугнули, а не то бы закусывать нечем было. Так что некого мне художественно живота лишать. Но не расстраивайтесь друзья, предлагаю я на ходу, так сказать экспромтом сменить программу: пса вместо кабана зарезать, чтоб спектакль фартовый не отменять. Толк с него всё равно какой? А корейчикам на шашлык в самый раз пойдёт».

«Абрикосов после такого до слёз дойдет. Да и Охалкову стыдно за свой недавний поступок станет» – вожделенно размышлял кочегар.

Так раздумывая, в предвкушении сногшибательного эффекта, Круглов сходил за кинжалом и, не привлекая внимания, вернулся к сараю с ним. Зашёл в сажик и вынул штык. Направил клинок на солнце и полюбовался сиянием. Затем почесал кабана бочок, и тот, предчувствуя наслаждение, повалился на пол да, как собачонка, задрал кверху ноги обе. Круглов двумя пальцами, чтобы не мешала, слегка приподнял переднюю левую и молниеносно вонзил лезвие туда, где, по расчётам, находится было сердце должно. Но тут произошло такое, что поменяло весь предполагаемый сценарий. Вепрь на мгновение замер, как бы удивляясь происходящему, потом взвился, взревел и на убийцу ринулся. Кабан далеко от себя отбросил ошеломлённого Круглова и, хотя не убил, но сломал ему несколько рёбер с одной стороны. Болевой шок был так силен, что сознание потерял Круглов и бабахнулся на пол сарая.

Кабан же, словно истребитель, по двору понёсся, набирая скорость. Казалось, что он включил форсаж, и вот-вот раздастся хлопок перехода через звуковой барьер. Правда, не выскочил на сверхзвук вепрь, но на огромной, бешеной скорости, разъярённый, врезался он в стол, за которым закусывали ребята. Отбросив его до забора и, соответственно, уничтожив всю водку с закуской, так шарахнулся кабан лбом об изгородь, что покосилась та.

Следует отметить, что при всём происходящем, никого, кроме Круглова, он не зацепил больше, но, отскочив от забора как мячик, устремился обратно в самую гущу народа, и последствия ожидалась плачевные, но, как и бывает в сверхкритических ситуациях, у присутствующих от страха, разумеется, сверхспособности появились. Люди, как ошпаренные, с мест сорвались и врассыпную кинулись. Через несколько мгновений на земле уж не было никого: изгородь собой украсили воины.

Фомин вместе со всеми от напасти укрыться спешил, но, обладая массой намного больше, не смог это так шустро, как остальные, проделать. Замешкался он, бедняга, и несущийся по двору кабан шарахнул его, пролетая. Удар скользящий был не так силен, напугал сколько. Петровичу даже показалось, что-то смерть-злодейка, но руками и ногами пошевелив, понял то, что целы они и что нужно сойти со сцены. Чувствуя, что на забор не взобраться, ящеркой Александр Петрович к погребу пополз. А кабан же по периметру двора нёсся. По земле раз-

мазав несколько индюков надменных, он летел, круша всё на пути своём, по спирали траекторию уменьшая. Когда же линия движения его пересеклась с пентаграммой на будке, кинулся яростно волкодав на кабана, но тут же оглушён был мощным ударом. А вепрь, не останавливаясь, подхватил цепь грудью, и, не снижая скорости, поволок и собаку, и будку.

Тройка импровизированная очень оригинальный вид имела: в центре – кабан, а по бокам – будка с пентаграммой и волкодав полумёртвый. Грохотало бывшее жилище его, звёздочкой нарисованной мелькая, вепрь разъярённый сопел, пёс же, оглушённый, по траве волочился, словно воин, казнённый кочевниками, привязали которого к лошади, что шарахнули затем хлыстом.

Сидевшие на заборе и на крыше сарая зрители без помех могли наблюдать это невообразимое и захватывающее шоу. Старшему же лейтенанту Фомину совсем не до зрелища было. Напрягая силы последние, полз он к цели своей спасительной – погребу. Вот уже и ляды рукой коснулся, и, подтянувшись, в погреб нырнул, счастливый, крокодилчиком: головой вниз – руки спереди – ноги сзади. Распластался на холодном полу, думая, что от смерти ушёл, только грохот вдруг раздался над головой, ну и рядышком кабан брякнулся. Свет померк. Александр Петрович уже решил, что с ума сходит, только глаза подняв, понял, что в норме все: будка в ляде углом застряла, заслонив свет белый собой. Толком не поняв, что произошло, почувствовал вдруг насмерть перепуганный силовичок, как лица лохматое коснулось нечто. Лап его дрожащей рукою – хвост! Ёлки зелёные! Собака дохлая! На цепи висит, крутится. То туда, то сюда. То туда, то сюда. Ну и помазком своим, пушистым, щёки то одну, то другую лижет. Александр Петрович неживой лежал, а когда во тьме туша рядом заёрзала, замер и даже съёжился силовик, смерть, как факт свершившийся, принимая.

Через пять минут люди пришли в себя. Осторожно спустились они на землю, подошли к погребу да с отверстия будку сняли. Свет, ударивший резко, заставил глаза прикрыть, а когда их открыл Фомин, так и неба квадрат увидел, да товарищей, сжавшихся по периметру. С мольбой великой в очах вылупился на друзей Петрович: «Помогите, ради бога, братцы! Только на вас надежда!» – взгляд его страждущий вопрошал. Сам же он даже пошевелиться боялся, дабы дьявола, отдыхающего рядом не потревожить нечаянно.

Наконец коллеги взялись за цепь, на которой висела собака и, словно тяжёлый якорь, потащили её наверх. В последний раз, проведя хвостиком по лицу несчастного Фомина, мёртвый пёс скрылся в таком близком и одновременно в таком недостижимом небе: лестница-то и та была напрочь сломана кабаном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.